

Б. Старков,

кандидат исторических наук

Честь партии

С 1956 года историки, рассказывая о трагических судьбах коммунистов, пострадавших от сталинских репрессий, нередко подчеркивали, что такой-то всегда был верным последователем Сталина и умер с возгласом «Да здравствует Сталин!». Однако были в партии люди, рано увидевшие, что сулит стране бесконтрольный режим личной власти, какую угрозу представляет Сталин для самих коммунистических идей, и вступившие в борьбу за законность и справедливость.

Эта статья — о некоторых из таких борцов, погибших, отстаивая честь партии.

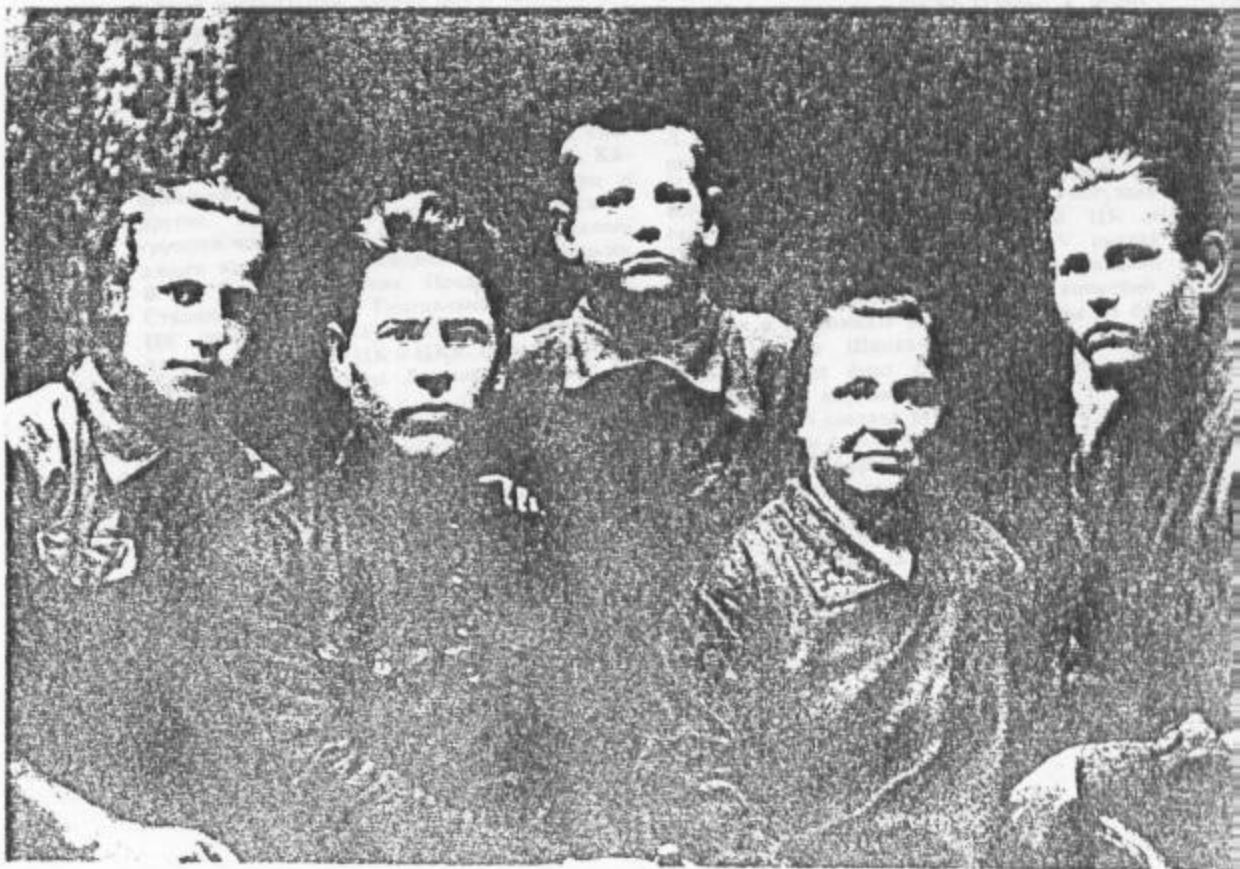
Культ личности Сталина увенчал собой тот режим личной власти Сталина в партии и государстве, который сформировался в конце 20-х — начале 30-х годов. Некоторые публицисты поспешили назвать это «контрреволюционным переворотом», другие видят в нем некую разновидность бонапартизма при опоре на карательный аппарат. Как нам представляется, настоящая картина событий — гораздо сложнее.

Но об этом — в другой раз. Сейчас для нас важно, что старая партийная гвардия, совершившая социалистическую революцию и хорошо помнившая заветы В. И. Ленина, не сдалась без боя, не капитулировала, лучшие ее представители сопротивлялись становлению произ-

вола и беззакония и вошли в число первых их жертв. Безусловно, ведущая роль в этом сопротивлении принадлежит группе Н. И. Бухарина. Он, А. И. Рыков, М. П. Томский — самые, пожалуй, известные из политических деятелей, выступавших за партийную демократию. По их пути пошли и другие. 1929—1934 годы были периодом постоянного сопротивления сталинизму, а точнее — становлению режима личной власти Сталина в партии и государстве.

Одним из первых выступил против этого Председатель Совнаркома РСФСР, кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Сергей Иванович Сырцов, член ЦК ВКП(б), член ВЦИК и ЦИК СССР нескольких созывов. Он родился в 1893 году в Екатеринославской губернии. В 1912 году поступил на экономическое отделение Петербургского политехнического института. Именно там втянулся в работу нелегальных студенческих организаций и в конце 1913 года вступил в ряды большевистской партии. В 1914 году С. И. Сырцов ведет про-

Семья Рютиных: Мартемьян Никитич, его жена Евдокия Михайловна, их дети (слева направо) Люба, Виссарион, Василий.

пагандистскую работу среди петербургских рабочих, он член Невского районного комитета и пропагандистской коллегии при Петербургском Комитете РСДРП(б). Тогда же, в 1914 году, он был арестован и приговорен к девяти месяцам тюрьмы. В апреле 1916 года Сырцов арестован вторично и на этот раз сослан в село Манзурка Иркутской губернии.

После Февральской революции возвращается из ссылки в Петроград, затем по заданию ЦК РСДРП(б) переезжает в Ростов-на-Дону, где позднее возглавил Ростовский Совет и Военно-Революционный комитет. В 1918 году — военный комиссар дивизии, тяжелое ранение, и вот он — председатель Донревкома. С 1921 года С. И. Сырцов в аппарате ЦК РКП(б), сначала заведующим учетно-распределительным отделом, а с 1924 года заведующим Агитпропотделом ЦК ВКП(б), был членом президиума ЦК ВКП(б), редактором журнала «Коммунистическая революция». В феврале 1926 года С. И. Сырцов назначен секретарем Сибирского краевого комитета партии. В мае 1928 года избран Председателем Совнаркома РСФСР.

Сырцов активно боролся против троцкистско-зиновьевского блока, выступал против так называемого «правого уклона». Однако тогда же он начинает открыто критиковать Сталина. В 1929 году на заседании Совнаркома РСФСР С. И. Сырцов в резкой форме подверг критике практику осуществления индустриализации, выступил против слишком высоких, не оправдывающих себя ее темпов. Уже это вызвало неудовольствие Сталина. К работе Председателя Совнаркома РСФСР стали «приглядываться». Столкнувшись с тем, что внутри Политбюро ЦК ВКП(б) многие важные политические и государственные вопросы решались Сталиным либо единолично, либо в узком кругу избранных лиц, Сырцов в 1930 году поставил вопрос о перемещении его с поста Генерального секретаря ЦК ВКП(б)!

Получив в этом поддержку ряда партийных организаций, членов ЦК и ЦКК, Сырцов рассчитывал от их имени поставить на очередном пленуме ЦК и ЦКК вопрос о восстановлении ленинских норм партийной жизни и внутрипартийной демократии. Для подготовки к этому Сырцов предпринял конкретные меры: создал координационный центр, в состав которого входили И. О. Нусинов, В. А. Каврайский, Ю. А. Гальперин, В. А. Курц и другие. Группа Сырцова блокировалась с группой члена ЦК В. В. Ломинадзе, в руководящее ядро которой входили Л. А. Шацкий, В. Д. Резник и другие. Предложение снять Сталина с поста Генерального секретаря ЦК собирались уже внести на ближайшем очередном Пленуме ЦК и ЦКК. Однако один из руководителей группы Ломинадзе выдал все планы Сталину.

Тот позвонил на квартиру Нусинова, где собрались так называемые «фракционеры» и пригласил С. И. Сырцова на внеочередное заседание Политбюро ЦК ВКП(б). «Какие вопросы вы обсуждали сейчас на квартире Нусинова, товарищ Сырцов?» — спросил Сталин на заседании. «Проблемы повышения продуктивности крупного рогатого скота, товарищ Сталин», — ответил Сырцов. Тогда Сталин пригласил в зал человека, предавшего их. Сырцов понял, что случилось, и выступил против Сталина немедленно, на том самом заседании

Политбюро, куда был вызван. С. И. Сырцов, опираясь на большой фактический материал, говорил и об экономической политике, и о внутрипартийной жизни. Он заявил, что Политбюро превратилось в совещательный орган при Генеральном секретаре ЦК, что большинство хозяйственных успехов носит относительный характер, поскольку слишком поощряется сверху, политика коллективизации проводится так, что стала по сути губительной для крестьянства, а подстегивание и искусственное наращивание темпов социалистического строительства ведет к экономическому хаосу.

Сталин во время речи оставался внешне невозмутим. Серго Орджоникидзе пытался остановить Сырцова — своего друга, крикнув ему: «Сергей, остановись, что ты говоришь...» Л. М. Каганович потребовал тут же расстрелять Сырцова. В итоге появилось переданное в ЦК «дело» о фракционной работе Сырцова, Ломинадзе и других. Сталин лично руководил расследованием. 1 декабря 1930 года было принято совместное постановление ЦК и ЦКК «О фракционной работе Сырцова, Ломинадзе и др.», в котором их деятельность квалифицировалась как антипартийная, пришедшая к возникновению в партии «лево-правого блока на основе общей политической платформы, совпадающей во всем основном с платформой правых оппортунистов». «Эта платформа, — говорилось в постановлении, — навевая панику перед трудностями и желанием спекулировать на них, требует по сути дела отказа от большевистских темпов строительства и провозглашает необходимость «сужения фронта капитального строительства» (Ломинадзе).

Одно из наиболее опасных обвинений касалось «расконспиривания секретных решений партии».

Сырцов и Ломинадзе держались во время бесед и допросов в ЦКК с достоинством, пытались доказать свою правоту. Сергей Иванович, оперируя данными экономического анализа, пытался доказать губительность дальнейшего проведения коллективизации такими средствами... Эти данные были действительно секретными, но приводил-то он их в ЦКК! Однако к этому времени Центральная Контрольная Комиссия все больше и больше превращалась в орудие укрепления режима личной власти Сталина в партии. С. И. Сырцов, В. В. Ломинадзе, Л. А. Шацкий и другие были обвинены в нарушении Постановления объединенного пленума ЦК и ЦКК о специальных мерах вплоть до исключения из ЦК и из партии, могущих гарантировать секретность решений ЦК и Политбюро ЦК, Постановления XV съезда ВКП(б) об ответственности за отказ правдиво отвечать на вопросы контрольных комиссий. Сырцов и Ломинадзе были исключены из состава ЦК, а Шацкий — из состава ЦКК ВКП(б). Этот факт сам по себе был уже грубейшим нарушением Устава партии: исключить из состава руководящих партийных органов могло только решение соответствующего пленума партийного комитета, причем только большинством не менее двух третей голосов. В партии и на свободе наших героев оставили — Сырцова и Ломинадзе направили на партийную работу на Урал...

Сергей Иванович Сырцов был репрессирован в годы «большого террора». Основанием ареста и первого обвинения в контрреволюционной агитации послужила неосторожно брошенная

фраза о том, что «Сталин на костях Кирова мостит дорогу к власти». Последовали обвинения в организации террора и расстрел... В. В. Ломинадзе работал секретарем Магнитогорского горкома партии. В 1936 году он был вызван в Москву и покончил здесь жизнь самоубийством. Уже мертвого, его обвиняли в создании террористической группы Ломинадзе — Шацкина — Стэна. Все ее «участники» были расстреляны по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР...

Другое серьезное выступление против сталинизма относится к осени 1932 года. Выступила группа бывших руководителей Московской партийной организации и профессоров из уже разгромленной, как ее называли, «школки» Бухарина — Коммунистической академии и Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова. В партийных документах того времени она именовалась контрреволюционной группой Рютина, Иванова, Галкина. Позднее, в марте 1938 года, на судебном процессе по делу правотроцкистского блока в качестве основного документа фигурировала так называемая Рютинско-Слепковская платформа, на которой якобы объединились все контрреволюционные силы внутри партии и государства.

Фантазмагория «гигантского заговора», охватившего в 1937—1938 годах якобы многие миллионы людей, опиралась именно на этот документ. Какова была подлинная основа всего этого дела? Ответ на этот вопрос помогут дать страницы политической биографии Мартемьяна Никитича Рютина, в середине 20-х — начале 30-х годов одной из самых известных фигур в Московской партийной организации.

Родился он в 1890 году в семье крестьянина в деревне Верхне-Рютино, в 300 километрах от Иркутска. Закончил Иркутскую учительскую семинарию, работал сельским учителем. Еще в семинарии сблизился с революционерами, принимал участие в революционной пропаганде, а в 1914 году вступил в партию большевиков. Во время первой мировой войны проходил военную службу в Харбине, в охране Китайско-Восточной железной дороги. После февральской революции — член Харбинского Совета от воинских частей как наиболее авторитетный политический деятель. В составе Харбинского Совета прапорщик Рютин повел борьбу против соглашательской политики меньшевиков и эсеров. Осенью 1917 года возглавил сразу Харбинский Совет и Харбинский Военно-революционный комитет. После падения советской власти в Харбине М. Н. Рютину и ряду других революционеров удалось скрыться. В декабре 1917 — феврале 1918 года он командовал Иркутским военным округом, а когда советская власть в Восточной Сибири пала, стал одним из прославленных партизанских командиров в Прибайкалье. В 1919 году по постановлению Сиббюро ЦК РКП(б) Рютин выехал в Новониколаевск (Новосибирск) для восстановления партийной организации, разгромленной колчаковской контрразведкой, вел политическую работу в частях 5-ой армии.

Рютин был затем секретарем Иркутского губкома партии, делегатом X съезда партии, принимал участие в штурме мятежного Кронштадта. После этого находился на партийной работе в Восточной и Западной Сибири, потом — в Дагестанском обкоме партии, в начале 1924 года был отозван в распоряжение ЦК РКП(б), а позднее возглавил Красно-

пресненскую районную партийную организацию Москвы, одну из самых крупных и наиболее авторитетных партийных организаций в столице. М. Н. Рютин был одним из самых непримиримых борцов против «новой», а затем троцкистско-зиновьевской оппозиции. По воспоминаниям А. С. Наринского, который в те годы был студентом Московского института народного хозяйства, яркие, насыщенные фактами и цифровым материалом выступления секретаря Краснопресненского райкома партии Рютина «убеждали в правоте генеральной линии партии не только студентов, но и преподавателей, среди которых были сторонники Троцкого».

Все изменилось в 1928 году. Группа Н. И. Бухарина, к этому времени наиболее авторитетного теоретика партии, выступила с возражениями против применения чрезвычайных мер к крестьянству, против темпов, методов и средств, которыми проводилась коллективизация. Точку зрения Бухарина поддерживали многие авторитетные руководители Коммунистической партии и Советского государства. В борьбе против группы Бухарина Сталин попытался создать себе опору среди руководителей МК, МКК и районных партийных организаций Москвы. М. Н. Рютин с негодованием отверг беспринципное предложение Генсека. По воспоминаниям оставшейся в живых его дочери, Л. М. Рютин, «отец пришел домой после встречи со Сталиным раздраженным и взволнованным и несколько раз повторил одну и ту же фразу: „Откуда он взялся? Действительно, этот повар будет готовить очень острые блюда“».

С этого времени на Рютина начались гонения. 15 октября группа членов райкома и членов бюро обратилась в МК с заявлением, что М. Н. Рютин примиренчески относится к правым, 18—19 октября эти вопросы стали предметом специального обсуждения на пленуме МК и МКК. Группа отказавшихся поддержать Сталина в борьбе против Бухарина была выведена из состава бюро МК, а 22 октября пленум Краснопресненского райкома партии освободил М. Н. Рютина от обязанностей секретаря райкома партии за примиренческое отношение к правому уклону. Хотя в чем заключалось это примиренчество и даже кто именно правые уклонисты, никто из выступающих объяснить не смог.

Н. И. Бухарин тогда отдыхал в Кисловодске, а вернулся в Москву, когда все перемещения были фактически завершены. Таким образом он был лишен поддержки руководителей районных партийных организаций в Москве.

Несколько позднее М. Н. Рютин назначили редактором газеты «Красная звезда», затем председателем Управления фотокинопромышленности, он стал членом президиума ВСНХ, оставаясь кандидатом в члены ЦК ВКП(б). В 1929 году его направляют уполномоченным ЦК ВКП(б) по осуществлению коллективизации в Восточной Сибири. Он снова оказался в родных местах. Увиденное там потрясло коммуниста. Рютин стал свидетелем того, как произвольно менялся критерий оценки хозяйства: кулак или нет? Как середняк, который боролся против Колчака и интервентов, экспроприировали, объявляя кулаком, и отлаженное хозяйство приводили в упадок. Он видел и то, как все это насаждалось и поощрялось сверху, как ведавший вопросами сельского хозяйства секретарь ЦК ВКП(б) Л. М. Кага-

нович командно-административными методами решал сложнейшие вопросы коллективизации. Рютин не хотел молчать. Возвратившись в Москву, он направил в Политбюро подробную записку о перегибах в колхозном движении. Записка эта вызвала резко отрицательную реакцию И. В. Сталина и Л. М. Кагановича: «Опять этот левша лезет не в свои дела?» Примечательно, что через некоторое время основные положения рютинской записки были использованы в статье И. В. Сталина «Головокружение от успехов», а затем в известном письме ЦК ВКП(б) «О борьбе с извращениями партлинии в колхозном движении».

В январе 1930 года «Красная Звезда» опубликовала статью Рютиня о политике ликвидации кулачества как класса. Сталин в ответ позволил себе поспорить с ним, дать разъяснение, что же это за политика в его понимании. Но статья Сталина оказалась лишена сколько-либо серьезной аргументации.

По свидетельству дочери, Мартемьян Никитич в это время усиленно изучал немецкий язык, так как решался вопрос о его назначении полпредом в Германию. Однако случилось совсем другое. После возвращения с летнего отдыха (а отдыхал он на юге вместе со Сталиным и другими членами ЦК) Рютин был арестован, но вскоре выпущен. Оказалось, что в партийные органы поступило заявление бывшего троцкиста Носова, управляющего трестом, будто Рютин ведет антипартийные, антисоветские разговоры, в них позволяет себе разглашать секретные решения Политбюро и Советского правительства. Его заявление очень сильно походило на провокацию, но делу дали ход, и оно послужило основанием для исключения М. Н. Рютиня из партии.

Дело Рютиня вел секретарь ЦКК Е. Ярославский, хорошо знавший его еще со времен гражданской войны. По всей вероятности, он понимал всю вздорность обвинений Рютиня в троцкизме. Но Сталин лично дал указание поставить Рютиня вне партии. Мартемьян Никитич был исключен из партии и снят со всех должностей. Даже находившийся тогда за границей Троцкий, выдавший визы в большой и малой политике, не смог скрыть своего изумления: как это Рютин, один из главных борцов против троцкизма в Москве, мог быть объявлен троцкистом?

М. Н. Рютин одно время, по свидетельству дочери, думал о самоубийстве. Однако сильная сибирская натура, характер взяли верх над минутной слабостью, и он снова включился в активную борьбу против сталинизма.

1932 год. К Рютину обратилась группа бывших московских партийных работников с просьбой составить программный документ созданной ими организации «Союз марксистов-ленинцев». Переговоры об этом с Рютиним вел В. Н. Каюров — старый большевик, близко знавший Ленина. Добавления к написанной Рютиним программе сделали А. Н. Слепков, Я. Э. Стэн, Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев. Подлинник, написанный самим Рютиним, не сохранился. Известно, что в этом документе было по крайней мере 160 страниц. Он ходил по рукам в Московской партийной организации в списках. Его размножали, делая самые разные приписки.

В этом документе шла речь о самых важных проблемах времени: о необходимости демократизации внутривластной и государственной жизни, восстановлении ленинских норм и принципов, об отказе от насильствен-

ной коллективизации и возвращении к ленинскому кооперативному плану, о проведении нормальной экономической политики. И. В. Сталин характеризовался в резких выражениях как «великий агент, провокатор, разрушитель партии», «могилищик революции в России». Здесь поднимался принципиальный вопрос об изменении взаимоотношений государственных и партийных органов, о демократизации всей жизни советского общества, в конечном итоге — о замене Сталина на посту Генерального секретаря ЦК ВКП(б). Но и речи не было об организации террора для захвата власти.

Забавно, что перед началом обсуждения документа Каюров предложил составившему эту программу Рютиню покинуть комнату, поскольку он беспартийный и не может участвовать в обсуждении, когда идет речь о судьбах партии и государства.

Эта группа, «Союз марксистов-ленинцев», во главе с М. С. Ивановым, В. Н. Каюровым, П. А. Галкиным попала под наблюдение органов ГПУ. И осенью 1932 года практически все её участники были арестованы. 9 октября 1932 года по решению Президиума ЦКК 24 активных участника группы были исключены из партии, дальнейшее решение их судьбы поручено Особому совещанию ОГПУ, которое определило бывшим членам ВКП(б) различные сроки тюремного заключения от 3 до 8 лет. И. В. Сталин давал личные указания о расправе с оппозиционерами. Его политические противники подлежали уничтожению. И особенно трагически сложилась судьба Рютиня.

15 октября 1932 года один из подследственных, уже осужденный, дал показания, что зарывал вместе с Рютиним какие-то бумаги. По поручению начальника секретно-политического отдела ОГПУ Г. А. Молчанова, который под руководством Г. Г. Ягоды занимался борьбой с оппозицией по личному указанию И. В. Сталина, следователь вместе с понятными выехали на место, выкопали и в 3 часа ночи доставили в помещение ОГПУ эти бумаги, которые были тут же перепечатаны... Так появился на свет документ, впоследствии названный «Рютинско-Слепковской платформой реставрации власти капиталистов и кулаков в СССР» (мы знаем его по копии, сами откопанные бумаги исчезли). Тут налицо прямые заимствования из контрреволюционных воззваний и антисоветских белоэмигрантских листовок. Очень сомнительно, чтобы Рютин был автором этой явной компиляции, хотя в нее вошли отрывки из составленных им бумаг. По Москве ходили слухи, что «платформа» — сочинение «романистов» из ОГПУ.

И. В. Сталин решил воспользоваться случаем и на деле Рютиня окончательно сломить старую большевистскую гвардию. Особое совещание ОГПУ приговорило его к смерти, а Сталин вынес приговор на утверждение Политбюро ЦК ВКП(б). Однако члены Политбюро нашли в себе достаточно мужества, чтобы не согласиться здесь со Сталиным. Резко выступил против С. М. Киров, которого поддерживали другие члены Политбюро ЦК ВКП(б). Даже Молотов и Каганович воздержались при голосовании. Генсек потерпел поражение, и смертный приговор Рютиню был заменен десятилетним тюремным заключением. Однако, проиграв в одном, Сталин все-таки использовал сложившуюся ситуацию в свою пользу.

По его инициативе в Кремле было проведено совещание довольно узкого круга ответ-

ственных работников. Один из блестящих организаторов советской военной разведки, В. Г. Кривицкий рассказывает, как секретарь партийной ячейки отдела контрразведки попросил его посетить секретное заседание, на котором «как начальник, генерал Берзин должен был сделать сообщение по делу Рютина. Секретарь информировал меня, что не все члены ячейки приглашены на это заседание, так как дело было сугубо секретным».

Группа Рютина вела борьбу против режима Сталина, а усилиями «романистов» из ОГПУ ее деятельность приобрела характер всеобъемлющего, громадного заговора против Коммунистической партии и социалистической государственности победившего пролетариата.

Особую роль в создании фантазмагории гигантского заговора внутри партии и государства сыграли Каменев и Зиновьев. Так, Зиновьев сделал в свое время немало левозкстремистских добавлений к программному документу «марксистов-ленинцев». Потом же, на допросах в ОГПУ и ЦКК, он от всего отрекся и многое из написанного им самим приписал Рютину. Печальную роль сыграл и Каменев. Характерна его покаянная речь на XVII съезде партии. В ней он говорил, что через открытую брешь в монолитной крепости большевистской партии, проделанную теоретическими ошибками оппозиции и практикой фракционной борьбы, полились волны мелкобуржуазной и буржуазной контрреволюции. Первую из них связал с Троцким, вторую с Бухариним (так называемый правый уклон), третьей же, по выражению Каменева, была «...идеология совершенно оголтелого кулачества... идеология рютинец, такая же кудая, как тот обреш, из которого кулацкие последыши стреляли в коммунистов, проводивших коллективизацию. С этой идеологией, которой мы, хотя бы пассивно, помогали, с этой идеологией бороться теоретическим путем, путем идейного разоблачения было бы странно. Тут требовались другие, более материальные орудия воздействия, и они были применены и к самым членам этой группы, и к ее пособникам и укрывателям, и совершенно правильно и справедливо применены были и ко мне».

Позднее, на процессе так называемого «правотроцкистского блока» государственный обвинитель А. Я. Вышинский живописал целую картину объединения всех оппозиционных сил в стране на основе «Рютинско-Слепковской платформы реставрации власти капиталистов и кулаков». А. Н. Слепков был объявлен непосредственным организатором контрреволюционного подполья на Северном Кавказе.

Но к этому времени фактические вероятные создатели этой платформы сами были уже репрессированы. Это начальник секретно-политического отдела ОГПУ Молчанов, Каменев, Зиновьев, Носов, обоглавший М. Н. Рютина в 1930 году. Г. Г. Ягода, сделавший многое для того, чтобы органы защиты революции превратились в орудие укрепления личной власти Сталина, проходил по процессу в качестве одного из главных обвиняемых.

К тому времени Рютин уже пять лет находился в одиночном тюремном заключении, сначала в Суздальском, а затем в Верх-Исетском политизоляторе на Северном Урале. В 1937 году Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к расстрелу — теперь уже за организацию террора. Однако с исполнением приговора не спешили. В 1938

году его привезли в Москву для участия в подготовке открытого судебного процесса по делу Бухарина, Рыкова и других. Рютину изменили режим содержания, улучшили питание, разрешили даже позвонить домой... Взамен ежовские следователи требовали одного: в открытом судебном заседании дать показания, изобличающие Н. И. Бухарина как главного организатора и вдохновителя контрреволюционного заговора. И тогда Рютин проявил в очередной раз свою непокорность, свое упрямство, в конечном итоге своей большевизм: он отказался. Сломить его не смогли.

Сталину Рютин написал, что это очередная попытка поставить его на колени. Первый раз — когда сняли с партийной работы в 1928 году. Второй — в 1930 году, когда по ложному доносу троцкиста Носова, расстрелянного в 1931 году, исключили из партии, и наконец, в 1932, когда обвинили в контрреволюционной деятельности. М. Н. Рютин не шадил себя. Он писал, что было время, когда, озабоченный судьбой своей семьи, становился на колени, каялся в тех преступлениях, которых не совершал. Однако теперь, когда он обвинен в терроре, глядя в глаза смерти, — «Сталин, я больше перед Вами на колени не встану». Так заканчивалось последнее письмо большевика Рютина, он так и ушел из жизни несломленным.

Но и это было не последним выступлением против Сталина! В ноябре — декабре 1932 года против режима личной власти Сталина выступила группа А. П. Смирнова, Н. Б. Эйсмонта, В. Н. Толмачева и других.

Кто же были эти люди? Вот краткие биографии некоторых из них. Николай Болеславович Эйсмонт родился в 1891 году на Гурьяновских рудниках Пермской губернии, в семье лесничего. С начала 1900 года жил в Барнауле. В конце 1907 года вступил здесь в РСДРП. Учился сначала на экономическом отделении Петербургского политехнического института, а затем на юридическом факультете Петербургского университета. Весной 1912 года был арестован за участие в студенческой политической забастовке и сослан в Сибирь. После возвращения в Петербург включается в революционную работу, снова арест, высылка в Туркестан. В 1916 году вновь возвращается в Петроград и работает в социал-демократической группе, известной как «межрайонцы». На VI съезде партии в числе межрайонцев вступает в РСДРП(б). После Великой Октябрьской социалистической революции — комиссар районной думы Петроградской стороны, помощник городского головы М. И. Калинина. В годы гражданской войны на ответственной советской и партийной работе, затем хозяйственной. Работает в ВСНХ, а с весны 1926 года — нарком торговли РСФСР, с осени 1926 года — заместитель наркома торговли СССР, в 1931 году назначен наркомом снабжения РСФСР.

Александр Петрович Смирнов родился в 1877 году в бедной крестьянской семье в Тверской губернии. Принимал участие в деятельности петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Вел партийную работу в Новгороде, Твери, был делегатом IV и V съездов РСДРП, неоднократно арестовывался, сидел в тюрьмах, ссылался. После Октябрьской революции был назначен членом коллегии Наркомвнудела, затем замнаркомпрода, с 1923 года — нарком земледелия.

Выступить против диктата Сталина в партии и государстве они рассчитывали на очередном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). Вербуя сторонников, Эйсмонт в кругу своих единомышленников сказал, что надо убрать Сталина. Один из слушателей сообщил об этом в ЦКК ВКП(б) и ОГПУ. Эйсмонта вызвали в ЦКК, где ему предъявили обвинение в подготовке террора. Эйсмонт заявил, что вопрос о том, чтобы убрать Сталина, есть вопрос о перемещении его, и напомнил ленинское «Письмо к съезду». Однако допросов в ОГПУ не выдержал и заявил, что обо всем знали А. И. Рыков и М. П. Томский, а также кандидат в члены ЦК ВКП(б) В. В. Шмидт.

12 января 1933 года вопрос «Об антипартийной группировке Эйсмонта, Толмачева, Смирнова А. П. и других» был рассмотрен пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б). Они официально были обвинены в создании антипартийной фракционной группы, «причем Эйсмонт и Толмачев вербовали своих сторонников среди разложившихся элементов, оторвавшихся от рабочих масс, и буржуазных перерожденцев». Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) одобрил решение президиума ЦКК об исключении из партии Эйсмонта и Толмачева как «разложившихся и переродившихся антисоветских людей, пытавшихся организовать борьбу против партии и партийного руководства». А. П. Смирнов был исключен из состава ЦК, позднее — и из партии, и репрессирован.

Кроме этого, в постановлении пленума особо указывалось на поддержку Смирнова и Эйсмонта со стороны М. П. Томского, А. И. Рыкова и В. В. Шмидта (член партии с 1905 года, член ЦИК СССР, занимал в это время должность Главного арбитра СНК СССР), которые «вместо действительной и активной борьбы с антипартийными элементами за генеральную линию партии и практическую политику ЦК партии стояли в стороне от борьбы с антипартийными элементами и даже поддерживали связь со Смирновым и Эйсмонтом, чем по сути дела поощряли их в их антипартийной работе, причем всем своим поведением давали повод всяким антипартийным элементам рассчитывать на поддержку бывших лидеров правой оппозиции».

На этом же пленуме было одобрено принятое по предложению Сталина, вопреки мнению ряда членов Политбюро, решение Политбюро ЦК ВКП(б) о проведении в течение 1933 года чистки партии и приостановлении приема в партию. В аппарате партии эту ответственную работу возложили на заведующего учетно-распределительным отделом ЦК партии Н. И. Ежова. Чистка способствовала укреплению режима личной власти Сталина в партии.

Однако сопротивление режиму еще не было сломлено до конца. Попытка дать организованный бой Сталину была предпринята на XVII съезде партии.

Группа делегатов съезда обратилась к Кирову с предложением сменить Сталина на посту Генерального секретаря. Однако он отказался и, более того, проинформировал обо всем Сталина, чем, по словам А. И. Микояна, вызвал «с его стороны лишь враждебность и мнительность ко всему съезду и, конечно, к самому Кирову». При подсчете результатов голосования выяснилось, что против С. М. Кирова голосовало 3 человека, против Сталина — почти в сто раз больше. (Следует отметить, что на этом съезде голосование впервые проводилось

по делегациям.) Председатель счетной комиссии В. П. Затонский в растерянности обратился к Л. М. Кагановичу, отвечавшему в президиуме съезда за ее работу. Тот сам победил «посоветоваться с хозяином». Сталин категорически потребовал, чтобы против него также осталось только три голоса... Часть бюллетеней была изъята из материалов съезда и уничтожена Кагановичем. Всего, согласно данным Комиссии Политбюро ЦК, в документах съезда отсутствует 266 бюллетеней! Даже теперь, после разгрома всех оппозиционных блоков и группировок, после расправы со всеми попытками противостоять режиму личной власти в партии и государстве, в руководящем эшелоне не только сохранилось, но и могло вырваться наружу недовольство Сталиным. С реальной оппозицией было покончено, продолжала сохраняться оппозиция потенциальная.

XVII съезд закрепил режим личной власти. Хотя специальные решения о поднятии авторитета Генерального секретаря ЦК, как это было на нашей памяти, в то время не принималось, тем не менее сталинизм закреплялся в обыденном сознании как ленинизм сегодняшнего дня. Формула «Сталин — это Ленин сегодня» прочно вбивалась в умы людей.

Творцами культа личности Сталина были люди из ближайшего его окружения. Немало усилий к этому приложили Ворошилов, Молотов, Микоян, Жданов, Маленков, Мехлис, Шкирятов и другие. Органы государственной безопасности, работавшие под личным контролем И. В. Сталина, объявляли антипартийной, более того, антисоветской, контрреволюционной любую альтернативную точку зрения. Несогласие с мнением вождя стало приравниваться к государственному преступлению. Примечательна судьба старого большевика И. А. Пятницкого. На июньском пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 году Н. И. Ежов, бывший тогда наркомом внутренних дел, проинформировал членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) о том, что органами государственной безопасности раскрыт грандиозный заговор внутри партии и государства. Во главе него стоит большая группа партийных, советских и военных работников — все они троцкисты и шпионы иностранных разведок... Для окончательного выкорчевывания врагов народа Ежов просил санкции пленума на наделение органов государственной безопасности чрезвычайными полномочиями.

Сталин поддержал это предложение. Однако Пятницкий, который в то время занимал должность заведующего политико-административным отделом ЦК партии, резко выступил против. Он заявил, что, по имеющимся сведениям, доказательства вины получают недопустимыми методами, что в заговоре фактически оказались обвинены старые члены большевистской партии, известные всему народу. Пятницкий предлагал создать специальную компетентную комиссию по проверке работы НКВД. Сталин прервал заседание пленума. В перерыве Л. М. Каганович, В. М. Молотов и К. Е. Ворошилов пытались уговорить Пятницкого, чтобы он снял свое предложение. Тот отказался. На следующем заседании Н. И. Ежов попросил слово для внеочередного заявления и обвинил Пятницкого в провокаторстве, выразив ему политическое недоверие. Пятницкому предложили в течение двух недель дать объяснения по существу обвинений. Однако ничего конкретного в этих объяснениях не содержалось. Через две недели он был арестован.

станов «как провокатор с дореволюционным стажем», а на судебном процессе, который проходил через год, приговорен к расстрелу как японский шпион.

Во главе органов внутренних дел и государственной безопасности, по личным указаниям И. В. Сталина, ставились сменявшие друг друга карьеристы, беспринципные политические авантюристы Г. Г. Ягода, Н. И. Ежов, Л. П. Берия, В. С. Абакумов. Во время чистки извлеклись от честных коммунистов с дореволюционным стажем, чекистов, прошедших школу Дзержинского и Менжлинского. На смену им приходили люди с низкими морально-политическими качествами, не имеющие серьезной политической закалки, с низким общеобразовательным и культурным уровнем, компенсирующие эти качества личной преданностью своему патрону. Заместитель Ежова М. В. Фриновский на следствии дал такие показания: «Ежов требовал от меня подбирать следователей, которые были бы полностью связаны с нами или же за которыми были бы какие-либо грехи, и они знали, что эти грехи за ними есть, а на основе этих грехов полностью держать их в руках». В этом Ежов не оригинален. Он копировал своего покровителя, который, как известно, имел секретный архив с материалами компрометирующего характера на членах ЦК, ЦИК и даже Политбюро. Вероятно, по аналогии с идеями Сталина о партии как подобии некоего ордена мучеников, Ежов рассматривал органы госбезопасности как секту, основанную на личной преданности ему.

Нарушения социалистической законности становились нормой. Культ личности не устранил, а, скорее, породил целую систему маленьких культиков — Кагановича, Жданова, Молотова, Ворошилова, Берия, некоторых местных руководителей. «Романисты» из НКВД сочиняли дела о покушениях на этих деятелей, считая, что это придает им авторитет и политическую весомость. Контрольные органы партии и государства тоже способствовали укреплению культа личности Сталина, служили ему опорой и всемерно поддерживали его.

Как же могло получиться, что народ, совершивший первую в мире социальную революцию, проявивший постыгие чудеса социального творчества, вдруг принял навязанный ему, чуждый, жестокий, по существу диктаторский режим? Сегодня, пожалуй, это менее всего изученная тема. Выборочный анализ общественного мнения показывает, что подавляющее большинство населения страны верило в Сталина. Даже вздорные, зачастую открыто нелепые обвинения «врагам народа» большинством воспринимались как правильные. Борьбу против сталинизма в этом отношении можно сравнить с декабристами. Они действовали в интересах всей партии и всего народа, однако без поддержки самой партии и широких народных масс. Но честь партии спасли.

Мы перелистали лишь некоторые страницы борьбы против сталинщины. Продолжает свою работу Комиссия Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями периода 30—40-х и начала 50-х годов. Реабилитация тех, кто стал в прошлом жертвой необоснованных политических обвинений и незаконных репрессий, остается нашим партийным и государственным долгом. Процесс восстановления исторической истины продолжается. ●

отличаться от большинства, нельзя высовываться, думай что хочешь — но молчи. И этого результата всеми силами добивалась «старая ленинская гвардия», следуя якобы заветам вождя. Сейчас уже трудно сказать, каковы эти заветы были на самом деле, ибо с приходом каждого нового генсека оказывается, что и заветы Ленина всякий раз менялись. Отсутствие организованной оппозиции и дано возможность Сталину и Ко расправиться с ленинской гвардией. А расправиться с ней Сталину было нужно, ибо голосование «за» еще не означает принятие советско, по убеждению. Эта гвардия в любой момент могла и вступит в, Поэтому-то Сталин

и необходимости индустриализации. Мне кажется, вы просто не решились высказать всей правды, которая, как мне кажется, заключается в одной партийности сложившейся политической системы, в решении фракционности и вообще в культе единства партии и народа, партии и вождя. Насколько сейчас можно судить, вся партийная деятельность (в политическом смысле) сводилась к борьбе за единство, что в конечном итоге не могло не вылиться в борьбу за единогласие, в борьбу со всеми, кто голодает против или даже воздерживается.

Главный печальный итог сталинизации — стадность, поименные тогу, что нельзя наук... Впрочем, это замечание несколько не умаляет значимость подлинно гражданственного поступка авторов и редакторов. Дай вам бог избежать участи «правых ревизионистов» и «очернителей» прошлых лет.

А. ХОХРЯКОВ (Москва): Дорогие товарищи Гордон и Колопов! Прочитал вашу статью. Очень хорошая, правильная статья, и отнять от нее нечего. А вот прибавить есть что. Почему, по какой причине сложились так называемый авторитарный стиль руководства страной, партии, народом? Вот вы пишете, что для объяснения этого недостаточен сам факт социализма

Сталина две стороны...» и т. д. Наконец-то наша подцензурная печать признала два очевидных факта: без демократии и общественного самоуправления ликвидация частной собственности приводит лишь к бюрократическому огосударствлению, а вовсе не к обществу, а вовсе не к обществу. Недемократическое государственное устройство порождает новый привилегированный и объективно реакционный класс. Наконец-то эти очевидные вещи мысли, давно уже отрабатанные в мировой общественной мысли и отечественном «слабодате», стали достоянием и нашей доктрины

ЧИТАТЕЛЬ СООБЩАЕТ, СПРАШИВАЕТ, СПОРИТ

ПОЧТА ОДНОЙ СТАТЬИ

Л. Гордон, Э. Колопов, «Тридцатые — сороковые» (№№ 2—5, 1988 год)

М. СОЛОНИН (г. Куйбышев): Хотю высказать искреннюю благодарность всем товарищам, взявшим на себя ответственность за выход в свет статьи «Тридцатые — сороковые», и прежде всего ее авторам. Наконец-то появилась историческая работа, названная вещи своими именами, наконец-то положен конец этому оскверненному мучил невинно замученных: «партия